

Без пафоса и надрыва

«В двадцать мне казалось, что я ничего уже не успею. В сорок считал себя стариком. Сейчас думаю, что вообще-то впереди еще полно всего», — говорит народный артист РФ Петр Семак.

Александра Яхонтова |

Толстовка Wood Wood,
футболка Rick Owens

«ЭТО ВЫСШЕЕ НАСЛАЖДЕНИЕ

для настоящего актера —

когда зал замирает

и ты понимаешь: они понимают»

ЕСТЬ люди, которые дорожат ритуалами: каждый год, например, приходят на один и тот же берег и смотрят, как течет река. Это дает ощущение постоянства, почвы под ногами: все меняется, а река по-прежнему течет. Образ актера Петра Семака — тоже символическая опора: смотреть спектакли, в которых он играет, можно ритуально. Петр Семак уже двадцать восемь лет как Ставрогин в «Бесах», уже тринадцать лет как шекспировский Лир. Что говорить о «Братьях и сестрах», где он играл восемнадцатилетнего Мишку Пряслина больше тридцати лет подряд — наверняка есть петербуржцы, которые впервые увидели его в этой роли детьми, а в следующий раз — с детьми. И в то же время Петр Семак — артист, который постоянно создает новое. Покинув пять лет назад труппу Малого драматического театра, где проработал под руководством своего учителя Льва Додина с момента выпуска из института, он перешел в Александринский, представ недавно на его сцене в образе Иосифа Сталина в одной из самых дискуссионных постановок последних лет.

В Александринке — и на старой, и на новой сцене — он играет по премьере в год. Совмещает с ролями в четырех постановках Малого драматического театра, с которым ассоциировался у петербуржцев на протяжении последних десятилетий. И из которого, кстати, однажды уже уходил. Пятнадцать лет назад, устав от нехватки новых ролей, он согласился на предложение худрука МХТ Олега Табакова переехать в Москву. Хватило ненадолго: не прошло и года, как вернулся обратно. «Раньше я боялся уйти из Малого драматического. Чувствовал себя как житель острова, который страшится большой жизни где-то на материке. А теперь я ничего не боюсь и знаю, что нахожусь в этом театре по своей воле», — объяснял он тогда, вернувшись в Петербург. Теперь говорит: больше ни островов, ни материков — «свободное плавание».

ЕВГЕНИЙ ПАВЛЕНКО